

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: gvkubarev@gmail.com

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ОГРАДКА № 5 В МЕСТНОСТИ КЫЗЫЛ-ШИН (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) *

Статья посвящена вводу в научный оборот результатов исследований одной из древнетюркских оградок в местности Кызыл-Шин в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Благодаря особенностям грунта, а также воздушной камере, сохранившейся в жертвеннике оградки, удалось обнаружить уникальные артефакты – деревянный ящичек, посуду и другие предметы. Эти находки существенно расширяют наши представления о предметном комплексе жертвенников в поминальных сооружениях, а также в целом о поминальной обрядности у древних тюрок Алтая.

Ключевые слова: Алтай, древние тюрки, поминальные оградки, жертвенник, деревянная votивная посуда.

Изучение древнетюркских поминальных оградок имеет большое научное значение в силу их вариативности, отсутствия оснований для четкого датирования и хронологии, а также, во многом, гипотетичности в их интерпретации. Подавляющее большинство исследователей едины во мнении, что древнетюркские оградки представляют собой поминальные сооружения в честь мужчин-воинов, а иногда и знатных женщин. Но отсутствие изваяний, большое разнообразие их конструктивных особенностей и другие черты позволяют далеко не все оградки безоговорочно относить к поминальным памятникам. Во всяком случае, часть подобных сооружений с трудом укладывается в предложенные археологами реконструкции и интерпретации этих объектов.

Древнетюркские поминальные оградки известны на обширной территории степного пояса Евразии – от Восточной Монголии до Приуралья. Особенно они многочисленны

на территории Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Несмотря на то, что поминальные памятники древнетюркской знати, сопровождаемые земляными валами и рвами, изваяниями людей и животных, достаточно редки на Алтае, сооружения, воздвигнутые в честь рядовых древнетюркских воинов, исчисляются сотнями. К настоящему времени из них раскопано и в той или иной степени опубликовано 178 оградок [Матренин, Сарафанов, 2006. С. 204]. Часть из этих объектов предположительно относится к предтюркскому периоду (2-й половине V – 1-й половине VI в.).

В течение полевого сезона 2006 г. Чуйский отряд Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, возглавляемый автором статьи, проводил археологические работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Главным объектом исследования стали поминальные сооруже-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

ния древних тюрок в урочище Кызыл-Шин (в устье р. Чаганузун, в 2,5 км от одноименного села в Кош-Агачском районе). Здесь было исследовано шесть древнетюркских поминальных сооружений в погребально-поминальном комплексе Кызыл-Шин (№ 1, 5, 6, 9, 12, 18). Предварительная информация об исследовании этих объектов уже публиковалась [Кубарев, 2005б; Кубарев и др., 2006]. Четыре оградки (№ 1, 5, 6, 18) еще до начала раскопок имели вкопанные в центре лиственничные стволы, и именно поэтому были выбраны для исследования. Еще два поминальных сооружения (№ 9 и 12) находились в одной цепочке с двумя разрушенными грабительскими раскопками древнетюркскими оградками. Изучение этих оградок диктовалось требованием проведения охранных раскопок. Приведем описание древнетюркской оградки № 5, исследованной в урочище Кызыл-Шин и принесшей наиболее интересные результаты и уникальные находки.

Объект представлял собой сильно задержанное сооружение, сложенное из вертикально установленных плит и заполнения из мелких галек и рваного камня (рис. 1). Как выяснилось в результате зачистки сооружения, нижний ярус кладки был сложен из массивных камней, а сверху заложен более мелкими обломками. Углами оградка ориентирована по сторонам света. Сооружение далеко от строго квадратной или прямоугольной формы, так как длина его сторон заметно варьирует. Если размеры северо-западной, юго-западной и северо-восточной стенок оградки сопоставимы между собой и не выходят за пределы 270–290 см, то длина юго-восточной стенки составляла 322 см. Высота насыпи оградки 20–30 см.

В центре сооружения возвышался лиственничный ствол, диаметр которого в нижней части составлял 30 см, а высота от современной поверхности 64 см (рис. 2). В верхней части ствол был срублен и сколот. Вплотную к юго-восточной стенке вкопана сланцевая плита, замещающая изваяние. Ее размеры 37 × 18 × 7 см. Несомненно, что верхняя часть сколота и первоначально плита была значительно выше.

Необходимо отметить, что данная оградка сохранилась лучше всех остальных в этой местности и лишь некоторые камни, преимущественно мелкие, были выброшены из ее заполнения. Наибольшие нарушения це-

лостности оградки прослежены у юго-восточной стенки – рядом со стелой-изваянием. Здесь за ее пределы выброшено несколько крупных камней, галька, и, как показала зачистка, одна плита стенки отсутствовала, а еще одна была разбита. Остальные стенки оградки, несмотря на массивность заполнения, сохранились в строго вертикальном положении. Плиты тонкие и тщательно обработанные. Юго-западная стенка состояла из трех плит длиной 96, 92 и 88 см, северо-западная – из четырех (138, 54, 42 и 100 см). При этом одна из небольших плит прикрывала место соединения двух других. Северо-восточная стенка также состояла из четырех плит (36, 76, 66 и 76 см). Длина сохранившейся плиты из юго-восточной стенки составила 104 см.

После зачистки и разборки насыпи в 20 см на запад от лиственничного столба зафиксирован массивный камень размерами 64 × 45 × 23 см. После снятия этого камня в 30 см от лиственничного ствола обозначилась жертвенная ямка размерами 56 × 36 см, из которой выступали мелкие камни (см. рис. 2). Таким образом, массивная плита служила перекрытием ямки. После выборки заполнения из мелких галек на глубине 20 см от уровня древней поверхности было зачищено еще одно перекрытие из четырех сланцевых плиток. Под ним оказалась небольшая камера, в которую почти не просыпалась земля. Сланцевые плитки перекрытия опирались на три стенки небольшого деревянного ящичка. Он имел одну торцевую стенку и две продольные, которые образовывали подобие треугольника (рис. 3). Его размеры 49 × 23–12 × 13 см. Деревянные дощечки ящичка отличной сохранности, они окрашены в красный цвет и на них различимы следы обработки ножом.

В деревянном ящичке находилось достаточно массивное деревянное блюдо-лоток на ножках (размеры 28,5 × 10 см) (рис. 3, 5, 1), крашенная красной краской деревянная палочка с утолщением и «наконечником» на концах (длина – 20,7 см, диаметр – 0,8–0,9 см) (рис. 3, 5, 2). Не исключено, что это заколка для волос. В углу ящичка на блюде располагался миниатюрный деревянный сосудик в форме кувшина с ручкой (высота – 10,5, максимальный диаметр тулова – 6 см) (рис. 4). Сосудик является вотивным, так как он не полый. Здесь же в блюде найдены крестцовые позвонки барана, а более мелкие –

Рис. 1 (фото). Вид на оградку с зачищенным заполнением

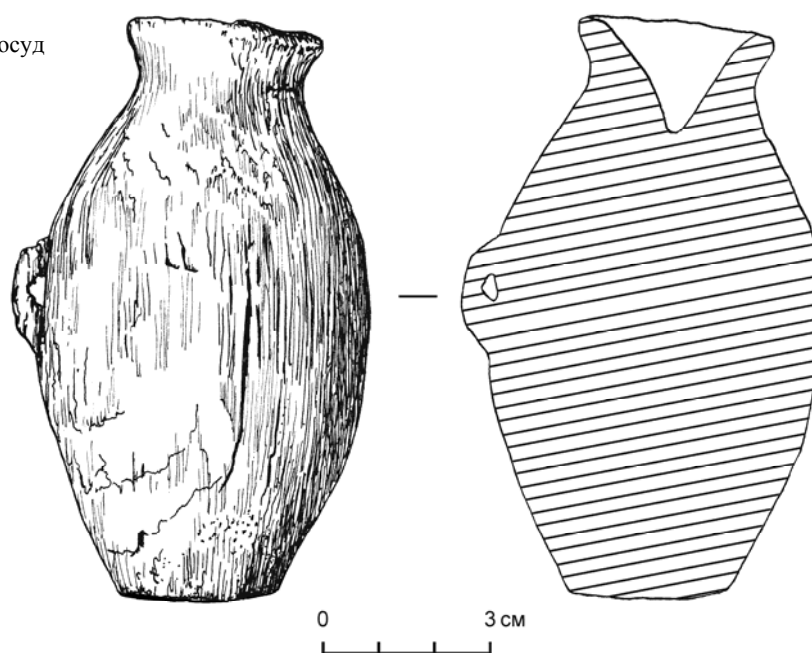

Рис. 2 (фото). Вид на оградку с выбранным заполнением

Рис. 3 (фото). Вид на жертвенный деревянный ящик

Рис. 4. Деревянный вотивный сосуд

за его пределами. Эти позвонки свидетельствуют о том, что в ящичек и блюдо была помещена наиболее почетная, в понимании кочевников, часть барана – курдюк. В блюде прослежены остатки хитиновых (?) оболочек от личинок червей, питавшихся мясом, и мумифицированный шмель. Глубина жертвенной ямки до дна составила 31 см.

К деревянному блюду прикипел фрагмент грубой домотканой материи. Вдоль стенок ящичка прослежен тлен от ткани или войлока. При некотором углублении были найдены спекшиеся в два ряда панцирные пластины (размеры фрагмента 11 × 5 см) (рис. 6, 10), небольшой железный ножичек (рис. 6, 2–4, 9), обломок железного вотивного копья или втульчатого наконечника стрелы (?) с древком, окрашенным красной краской (рис. 6, 1), обрывки тонких кожаных ремешков (рис. 6, 6–8) и обломок древка, окрашенного красной краской (рис. 6, 5). Сохранность предметов из дерева объясняется наличием небольшой воздушной камеры. В верхней своей части предметы сохранились наиболее хорошо, в нижней – в месте контакта с землей – значительно хуже. Несомненно, что сохранности дерева способствовала и почва – суглинистая сушь.

Лиственничный ствол возвышался над уровнем древней поверхности на 96 см. Наземная его часть сохранилась отлично, средний закопанный в землю участок не-

сколько худшей сохранности, тогда как низ был в наихудшем состоянии. Диаметр ямы, в которую был вкопан лиственничный ствол, составлял 40–45 см. Ствол был вкопан примерно на глубину 50 см и слегка забутован. Его общая длина составила 147 см.

Вдоль юго-западной стенки, за пределами ограды и на уровне древней поверхности была плашмя уложена массивная плита (размеры 60 × 40 × 12 см). После снятия плиты под ней были зачищены несколько перекрещивающихся деревянных плашек.

Обнаруженная в оградке № 5 в урочище Кызыл-Шин деревянная посуда и некоторые другие предметы являются уникальными для погребально-поминальных древнетюркских памятников Алтая и сопредельных регионов. Следует отметить высокую степень сохранности и, как следствие, информативности этих материалов. И хотя остатки деревянной посуды не так уж редко фиксируются в древнетюркских погребениях и поминальных оградках [Кубарев, 2005а. С. 67], их целые экземпляры единичны. Хорошо сохранившиеся деревянные блюда на ножках и функционально близкие к ним лотки с крышкой найдены в некоторых древнетюркских памятниках Алтая: Табажек, поминальная ограда [Захаров, 1926. Рис. 1, 3], Юстыд XII, курган 29 [Кубарев, 2005а. С. 67, Табл. 36, 1, 2], Чатыр, погребение [Худяков, Кочеев, 1997. Рис. III, 2]. Из-

вестны такие находки и в Туве – в могильнике Кокэль-2, 13, 23 [Вайнштейн, 1966. Табл. I, 6; Табл. IV, 8; Табл. VII, 14]. Несомненно, подобные находки значительно расширяют наши представления о собственно бытовой утвари, а также ее роли в погребально-поминальной обрядности древних тюрков.

Обращает на себя внимание деревянная крашенная красной краской «палочка» (рис. 5, 2), назначение которой пока не ясно.

Не исключена ее принадлежность как к кухонной утвари, так и к костюму – заколка для волос (?).

Уникальным следует признать и деревянный вотивный сосудик (см. рис. 4), который был специально изготовлен для поминального ритуала. Он повторяет форму и пропорции реально существовавших металлических, а возможно, и деревянных прототипов. Так, один золотой вотивный сосуд в числе других предметов был обнаружен

Рис. 5 (фото). Деревянное блюдо на ножках (1) и деревянная «палочка» (2)

в тайнике перед древнетюркским изваянием и оградкой в горах Шынгыстау у оз. Сарыколь в Восточном Казахстане [Исин, 2004. С. 74–76]. Его форма в виде кувшина и миниатюрные размеры (высота – 5,3–5,4 см) близки к находке из Кызыл-Шина. Учитывая находение в предметном комплексе ограды у оз. Сарыколь пресованных изделий геральдической формы, этот золотой сосудик, как и сам комплекс, должны быть отнесены к VI–VII вв. Только благодаря сохранившемуся деревянному сосуду из ограды № 5 удалось интерпретировать другой предмет из ограды № 1 в этом же погребально-поминальном комплексе Кызыл-Шин, первоначально обозначенный как предмет неизвестного назначения. И хотя здесь сохранилась только половина изделия, несомненно, что этот предмет также представляет собой вотивный деревянный сосуд.

Небольшой фрагмент панциря (размеры 11 × 5 см) представляет собой два ряда из семи панцирных пластин (рис. 6, 10). На нем четко различимы следы окантовки кожей рядов, а также ремешки, скреплявшие пластины между собой. Необычными являются небольшой размер пластин (7 × 2 см), их значительная толщина (0,3 см), а главное – «шахматный» способ скрепления между собой, при котором две лицевые пластины не налегали друг на друга, а сзади скреплялись между собой еще одной пластиной. Учитывая эти особенности и судя по остальному сопроводительному материалу оградок, подобные панцирные пластины должны относиться к раннему периоду истории древних тюрок – VI–VII вв.

Древнетюркские ограды в местности Кызыл-Шин привлекли наше внимание, прежде всего, возвышавшимися в центре лиственничными стволами. Благодаря сухому и холодному климату Чуйской котловины и прилегающим к ней долинам, стволы лиственниц более тысячи лет простояли вкопанными в центре оградок и при этом прекрасно сохранились. Исследованные ограды дополняют корпус поминальных памятников древних тюрок Алтая. Они принадлежат к наиболее распространенному типу оградок – яконурскому [Кубарев, 1984. С. 50]. Убеждают в этом их параметры (длина сторон от 2,7 до 3,6 м) и наличие в центре ям с лиственничными столбами. Ограды также объединяют в одну группу

традиционные и характерные особенности поминального обряда алтайских тюрок, например наличие в западной части многих оградок жертвенных ящичков, сложенных из деревянных дощечек или сланцевых плиток.

Несмотря на небольшую серию исследованных оградок, их материалы достаточно информативны и позволяют прийти к некоторым новым выводам и интерпретациям относительно характера и процедуры возведения подобных памятников. Лиственничные стволы в оградках № 9 и 12 были сознательно обрублены, так как их тлен не был прослежен в заполнении насыпи. Кроме того, сверху эти ямки были заложены гальками и в одном случае (ограда № 12) над лиственничным стволом прослежен прокол, а в другом (ограда № 9) над стволом обнаружена панцирная пластина. В целом следует отметить интересную закономерность. В оградках, где зафиксированы обрубки стволов в ямках, сами лиственничные стволы были небольшого диаметра (около 15 см). Они вкапывались в узкую яму без какой-либо забутовки камнями. Таким образом, эти стволы изначально не были предназначены для возвышения над насыпью ограды, тогда как лиственничные стволы, сохранившиеся до наших дней над насыпями поминальных оградок, значительно большего диаметра (около 30 см) и, как показали раскопки, вкопаны на значительную глубину (до 60 см), тщательно забутованы массивными либо среднего размера плитами. Последнее свидетельствует в пользу того, что первоначально в этих оградках был вкопан высокий столб, а возможно, и дерево. Лишь позднее он был обрублен. Эти факты противоречат имеющимся точкам зрения о том, что обрубки деревьев или деревянных столбов устанавливались внутри ямок до сооружения насыпи и не были предназначены для того, чтобы выситься над поверхностью земли [Худяков, Ким, 1999. С. 29].

Одним из первых на такую особенность, как вкапывание в центре и иногда по периметру некоторых древнетюркских оградок деревянных стволов либо деревьев, обратил внимание В. Д. Кубарев [1979. С. 158; 1984. С. 70–71; 2001. С. 36–38]. Им же была исследована достаточно представительная серия подобных оградок на территории Южного Алтая [1979. С. 139–143]. Иногда

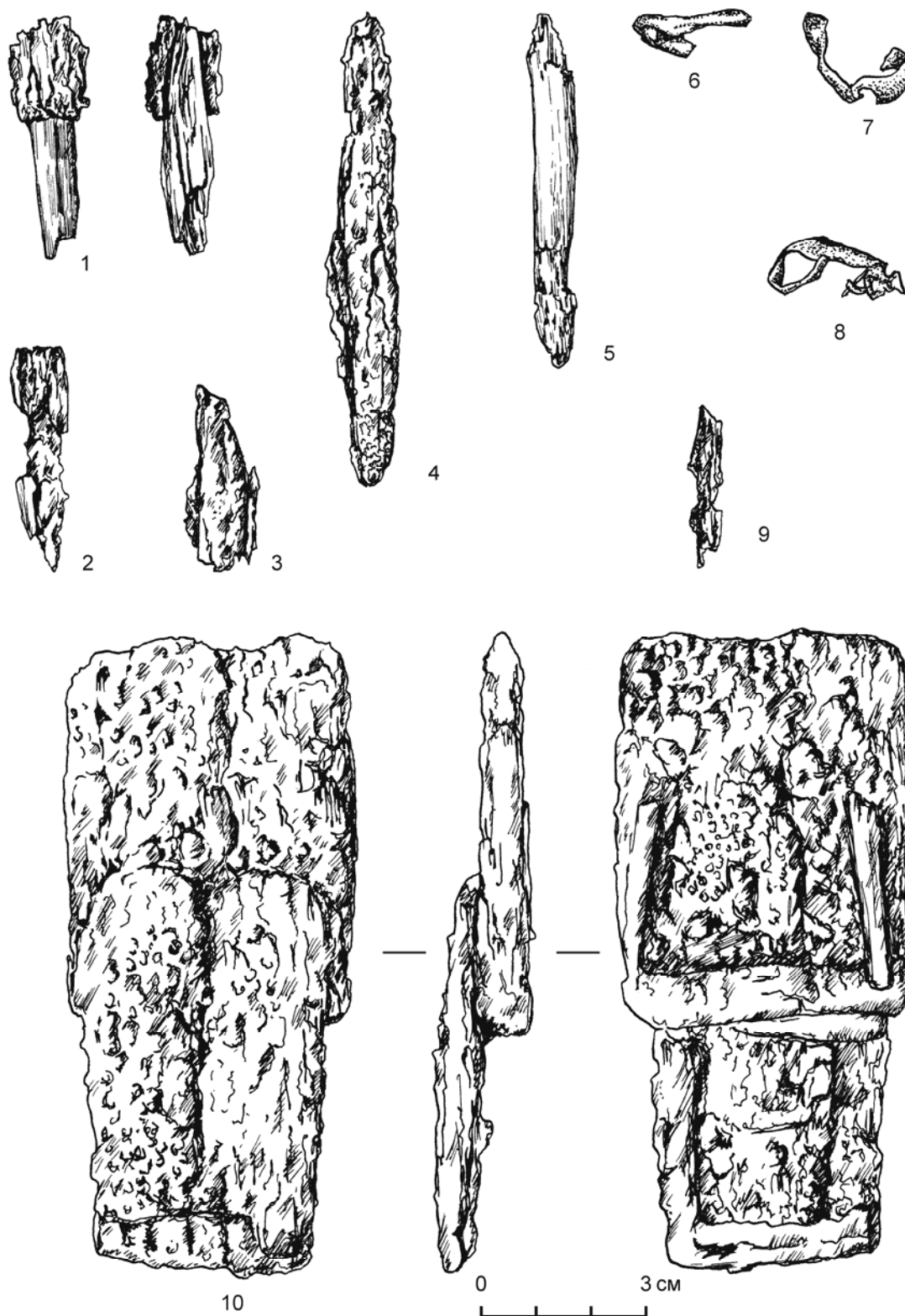

Рис. 6. Предметы, найденные в жертвеннике: 1 – обломок вотивного копья или втульчатого наконечника стрелы (?) с древком, окрашенным красной краской (№ 4); 2–4, 9 – обломки железного ножа (№ 5–8); 5 – деревянное древко (?), окрашенное красной краской (№ 9); 6–8 – кожаные ремешки (№ 10–12); 10 – фрагмент панциря из семи пластин (№ 13)

у лиственничных стволов фиксировались сучки, кора и остатки корневищ. Оградки с остатками лиственничных стволов в центре, исключая уже упомянутые, в разные годы раскапывались на Алтае (см.: [Киселев, 1951. С. 545; Нестеров, Милотин, 1995. С. 162–163] и др.), в Туве (см.: [Кызласов, 1969. С. 30; Худяков, Ким, 1999. С. 26–27] и др.) и Монголии [Войтов, 1996. С. 115]. Наиболее обоснованным представляется вывод тех исследователей, которые утверждают, что деревья, вкопанные в центре многих древнетюркских оградок, имели культовый характер и символизировали мировое или шаманское дерево [Кубарев, 1984. С. 70–71; Войтов, 1996. С. 115–116].

По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы возвышались над ней, а потом сознательно подрубались и закапывались (очень сложно представить целесообразность и назначение изначального зарывания лиственничного пенька на глубину в яму). Не исключено, что лиственничная жердь длиной 223 см, найденная с внешней стороны восточной стенки оградки № 9 урочища Кызыл-Шин, не что иное, как срубленный и уложенный в непосредственной близости с оградкой лиственничный ствол, часть которого зафиксирована в центральной ямке этой же оградки. В то же время на некоторых оградках лиственничные стволы изначальное приготавливались для того, чтобы выситься и после сооружения насыпи. Очевидно, создание оградки не было единовременным актом – сначала сооружалась оградка из вертикально вкопанных плит и столба-дерева в центре. При этом в течение определенного времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. Следующим, заключительным этапом были рубка ствола и возведение в оградке насыпи из камней. Однако в некоторых случаях ствол сознательно оставляли – он возвышался и после сооружения насыпи оградки. Дальнейшие раскопки поминальных сооружений древних тюрков, возможно, позволят объяснить этот факт.

Предметы, обнаруженные в жертвеннике оградки № 1, позволяют более определенно судить о дате возведения этого и других поминальных сооружений в местности Кызыл-Шин. Один из них – наконечник ремня, выполненный в виде спянных шариков. Прямых аналогий ему на территории Саяно-

Алтая нам не известно, однако следует отметить, что такой же орнаментальный прием использовался при изготовлении поясной гарнитуры, происходящей из могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965. Табл. XXIV, 12]. Это позволяет предварительно датировать как собственно наконечник ремня, так и сооружение оградки ранним периодом древнетюркской истории – VI–VII вв. Судя по близости конструктивных особенностей поминальных оградок (наличие жертвенного ящичка из деревянных дощечек), наличию идентичного инвентаря (например, деревянных вотивных сосудиков), наиболее вероятная датировка оградки № 5, по аналогии с оградкой № 1, также может быть определена в пределах VI–VII вв. Не исключено, что датировка других исследованных в урочище Кызыл-Шин памятников близка к уже предложенной.

Значение исследования оградок в местности Кызыл-Шин, среди которых оградка № 5 представляется наиболее интересной, определяется наличием и хорошей сохранностью лиственничных стволов. В закопанной части они сохранились на всю первоначальную толщину, что даст возможность максимально точно зафиксировать год рубки деревьев. Взаимодополняющие друг друга радиоуглеродный и дендрохронологический анализы этой древесины позволят получить абсолютную дату сооружения исследованных поминальных памятников и подтвердить или опровергнуть предложенную нами предварительную их датировку. Если учесть, что существующая древесно-кольцевая хронология по древесине Алтая, полученная в Институте леса СО РАН [Овчинников, 2002], доведена сейчас от конца XX до середины VIII в. и имеет перспективу дальнейшего углубления, появляется реальная возможность связать плавающие археологические дендрошкалы с абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологией. Это поднимет качество датирования памятников на совершенно новый уровень.

Список литературы

Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. 1966. Т. 2. С. 292–348.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминаль-

ных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 151 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири (раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.) // ТГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–107.

Исин А. Шынгыстау, Берел, Шиликти, Абралы. Археологические исследования 1999–2003 гг. Семипалатинск, 2004. 83 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.

Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В. Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 24–54.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. 400 с.

Кубарев Г. В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 11, ч. 1. 2005б. С. 368–374.

Кубарев Г. В., Слюсаренко И. Ю., Кубарев В. Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 392–396.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Матренин С. С., Сарафанов Д. Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. С. 203–218.

Нестеров С. П., Милютин К. И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 156–177.

Овчинников Д. В. Реконструкция изменений климата гор Алтая дендрохронологическими методами: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2002. 18 с.

Худяков Ю. С., Кочеев В. А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 10–18.

Худяков Ю. С., Ким С. А. Древнетюркские поминальные оградки в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 23–54.

Материал поступил в редколлегию 08.06.2012

G. V. Kubarev

ANCIENT TURKIC ENCLOSURE № 5 IN KYZYL-SHIN (SOUTH-EASTERN ALTAI)

The article is introduced the results of scientific research of one of the ancient Turkic enclosures in Kyzyl-Shin area in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. Thanks to the peculiarities of soil and air camera, preserved in the «altar» of the enclosure, we were succeeded in finding unique artifacts – wooden box, dishes etc. These finds greatly expand our understanding of the material complex in the memorial enclosures and in generally of the memorial ceremonies by ancient Turks of the Altai.

Keywords: the Altai, the ancient Turks, memorial enclosure, «altar», wooden votive dishes.